

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сивко-бурко

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. Отец стал умирать и говорит:

– Дети! Как я умру, вы каждый поочередно ходите на могилу ко мне спать по три ночи, – и умер.

Старика схоронили. Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему – коё лень, коё боится, он и говорит малому брату:

– Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня. Ты ничего же не делаешь!

Иван-дурак собрался, пришёл на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает:

– Кто тут? Ты, большой сын?

– Нет, батюшка! Я, Иван-дурак.

Старик узнал его и спрашивает:

– Что же больш-от сын не пришёл?

– А он меня послал, батюшка!

– Ну, твоё счастье!

Старик свистнул-гайкнул^[1] богатырским посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом.

– Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил.

Проговорил это старик, лёг в могилу. Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошёл. Дома спрашивают братья:

– Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?

– Очень ладно, братья!

Другая ночь приходит. Средний брат тоже не идёт ночевать на могилу и говорит:

– Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня.

Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатил, пришёл на могилу, лёг, дожидается полночи. В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает:

– Ты, средний сын?

– Нет, – говорит Иван-дурак, – я же опять, батюшка!

Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

– Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай

теперь!

Бурко убежал; старик лёг в могилу, а Иван-дурак пошёл домой. Братья опять спрашивают:

– Каково, Иван-дурак, ночевал?

– Очень, братья, ладно!

На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряда, собрался и пошёл. Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

– Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи.

Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лёг в могилу. Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошёл домой. Братья опять спрашивают:

– Каково, Иван-дурак, ночевал?

– Очень ладно, братья!

□Живут; двое братовой робят^[2], а Иван-дурак ничего. Вдруг от царя клич: ежели кто сорвёт царевнин портрет с дому чрез сколько-то много брёвен, за того её и взамуж отдаст. Братья собираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и бает:

– Братья! Дайте мне каку лошадь, я поеду посмотрю же.

– Э! – взъелись братья на него. – Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!

Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться:

– Ну, ты возьми, дурак, вон трёхногую кобылёнку!

□Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобылёнки, взял её зарезал, кожу снял, повесил на поскотину^[3], а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез – напился-наелся, в друго вылез – оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать! Сел на сивка и поехал срывать портрет. Народу было тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть. Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал! Он коня отпустил, сам пришёл домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам:

– Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал; не видали, куда уехал. Ещё опять приедет...

Иван-дурак сидит на печи и говорит:

– Братья, не я ли тут был?

– Куда к чёрту тебе быть! Сиди, дурак, на печи да протирай нос-от.

□Время идёт. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит:

– Братья! Дайте мне каку-нибудь лошадь.

Они отвечают:

– Сиди, дурак, дома! Другу лошадь ты станешь переводить!

Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылёшку.

Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотине, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез – оделся, выскочил в лево – молодцом сделался, соскочил на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Бурка отпустил, а сам пошёл домой, сел на печь, дожидается братовой. Братья приехали и сказывают:

– Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна.

Иван-дурак и говорит им:

– Братья, не я ли тут был?

– Сиди, дурак! Где у чёрта был!

□Через немного время от царя опять клич. Братья начали собираться, а Иван-дурак и просит:

– Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же.

– Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?

Нет, отбиться не могли, бились-бились, велели взять худую кобылёшку; сами уехали. Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез – напился-наелся, в друго вылез – молодцом оделся, сел на коня и поехал.

Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку^[4] так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Он так же воронка отпустил, пошёл домой, сел на печь, ждёт братовой. Братья приехали, сказывают:

– Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал.

Иван-дурак сидит за трубой и бает:

– Братья, не я ли тут был?

– Сиди, дурак! Где ты у чёрта был!

□Через немного время царь сделал бал, созывает всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали; Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул. Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не утрётся ли кто ширинкой? – тот её и жених. Только никто не утёрся; а Иван-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сделал другой бал; опять виноватого не нашли, кто сорвал ширинку^[5]. На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех обошла, никто не утёрся ширинкой. «Что это, – думает она себе, – нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нём худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво! Иван-дурак выпил, да и утёрся ширинкой. Царевна обрадовалась, берёт его за руку, ведёт к отцу и говорит:

– Батюшка! Вот мой суженый.

Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведёт в сужены». Разговоры тут коротки: весёлым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать!

Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

[1] – Гайкать – кричать, кликать.

[2] – Работают.

[3] – Поскотина – городьба вокруг скотного выгона.

[4] – Ширинка – устар. короткое полотнище ткани во всю ширину, а также платок, полотенце, скатерть.

[5] – Платок, полотенце.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...